

№ 10

К
Р
О
К
О
Д
И
Л

ЦЕНА 25 КОП.

ОДИННАДЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ
•
АПРЕЛЬ 1932 г.
•
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б)
'ПРАВДА'

ЛЕКАРЬ КАПИТАЛИЗМА

Ю. Ганф

11

Экономический кризис совершенно парализовал жизнь ряда европейских промышленных городов.

СОЦИАЛ-ФАШИСТ: — Я сделал все: прописал больному компрессы Дауэса, капли Юнга, поставил кровососные банки, наконец помог установить режим тишины и спокойствия. Теперь остается ждать выздоровления.

ДУРАК ЛИ КУЛАК?

ЖИЛ В ВАЛДАЙСКОМ районе некий гражданин Кручинин. До революции владел он 720 га земли. После Октября землю у Кручинина отняли, но все же он ухитрился получать с крестьян арендную плату за пользование своей бывшей землей.

По окончании гражданской войны власти, было, вспомнили о Кручинине, хотели лишить его голоса и выгнать из района. Но Кручинин сумел извернуться. Действуя отчасти подкупами, отчасти запугиванием, сумел он заручиться сотнями крестьянских подписей о том, какой он был добрейший помещик и культурный хозяин, и остался опять на своей бывшей земле, в своем доме.

В 1930 году в Лучковском сельсовете организовали совхоз, и часть земли бывших богатеев, в том числе и помещика Кручинина, оказалась заветой совхозом. Председатель сельсовета — коммунист Фруманов, друг Кручинина, обжаловал «незаконное отчуждение трудовой земли». Валдайский земельный отдел стал на сторону помещика, а Госсельтрест выплатил ему 3.500 рублей за «незаконно» отнятую землю.

Помещик Кручинин поступил служащим в совхоз и, наверное, жил бы припеваючи, если бы не речь т. Кирова.

Тов. Киров на IV ленинской областной партконференции первый поставил вопрос о гр. Кручинине.

— Крестьяне кругом шепчутся, — сказал тов. Киров: — «Давно ли мы на него работали, а сейчас он в совхозе делами заворачивает». Так нет — «хороший хозяин гражданин Кручинин. Не стоит его выгонять»... Такое объяснение очень показательное. Что же, по-вашему, кулак, бывший помещик, дурак он, что ли? Разве он не умеет приспособляться, разве не чувствует он, что это — единственное его спасение?

Выступление тов. Кирова дало сигнал к посмеякам специальной комиссии обкома для выяснения истории с помещиком и проверки всей партийной организации.

Итак дурак ли гр. Кручинин?

Что представляют лучковские коммунисты, которые допустили «врастание помещика в социализм»?

**

Секретарь ячейки Филатов явился на проверку с похмелья. Голова трещит, шапка натянута ниже носа, ничего не может сказать толком. Филатов 35 лет был батраком. Он безусловно не способен сознательно помогать классовому врагу. Но для активной борьбы с кулаком у него не хватает ни чутья ни большевистской твердости. Он отравлен алкоголем.

Вот другой коммунист, тоже батрак, Дмитрий Федоров — не плохой работник совхоза, даже ударник. Комиссия обкома познакомилась с ним в момент в'езда в село Лучки. На середине дороги, барахтаясь в сугробе, ревел пьяный человек. То был Митя — любимец лучковских девиц, шутник деревенских посиделок.

Вот третий коммунист — директор совхоза Раут, старый член партии, знаком с подпольем, человек несомненных заслуг перед революцией. Но Раут — тот, кто лично, собственными руками выплачивал помещику Кручинину деньги за дом. Правда, Раут новый человек в совхозе. Он прибыл сюда в сентябре прошлого года. Ему никто не сказал, что такой Кручинин в прошлом. Он попал в нездоровую обстановку. Но как мог старый большевик не призадуматься, когда он выплачивал деньги Кручинину, над тем, какой такой бедняк мог быть владельцем хорошего каменного дома? Где чутье Раута?

Комиссия очень подробно интересовалась жизнью и работой ячейки. И тем не менее прямого ответа на основной вопрос, как мог помещик Кручинин обгореть весь сельсовет, всех коммунистов и колхозников, так и не удалось получить. Никто не хотел помочь классовому врагу, но враг сидел 15 лет в бывшем собственном имении и чувствовал себя почти хозяином положения.

Безграмотность лучковских коммунистов, пьянство многих из них и формальный, дежаческий подход Раута к своим обязанностям оказались лучшими помощниками помещика Кручинина.

Случайно ли в Лучковском совхозе самый низкий урожай в сельсовете? Нет, не случайно. В такой совхоз легче всего проникает классовый враг. Здесь хуже с трудовой дисциплиной, здесь пьянствуют, вместо того чтобы работать по-ударному, здесь нет четкого большевистского руководства.

Случайно ли Лучковский совхоз кончил нынешний хозяйственный год с огромным дефицитом? Случайно ли Лучковский сельсовет имеет самый низкий процент коллективизации в районе?

Случайно ли, наконец, совхозный клуб стоит неоплаченным (не нашлось 50 рублей на ремонт печи)? Столовая закрыта, а лучковская школа полгода торгуется с Раутом, чтобы тот отпустил для детей рабочих совхоза одну сотню рублей. И это не случайно. Именно потому, что Раут не сумел выкроить 150 рублей для клуба и для школы, у него сразу нашлось 3.500 рублей для помещика. Диалектика!

**

В заключение несколько слов о председателе Валдайского райсовпрофа Зайцеве. Почти стенографическая записка:

— Тов. Зайцев, что вы предприняли как руководитель профорганизации и союза сельхозрабочих в первый же день после того, как вам стало известно о речи тов. Кирова?

— Какое выступление?

— О помещике Кручинине. О том, как в Лучковском совхозе прозевали помещика.

— Простите, че понимаю, о чем речь. Когда это было?

— При советской власти, товарищ Зайцев.

А. Аграновский.

ТРАНСПОРТ В РАЙОННОМ МАСШТАБЕ.

Д. Налбандян

— Караул! Человек на льдине, — спасайте!
— Чего орешь! Просто агроном на работу в район выезжает.

КСТАТИ

НА СОПКАХ МАНЧЖУРИИ

Новый манчжурский «император» Пу И уже начал проявлять признаки династической мудрости и:

Велел арестовать тех граждан, которые не приняли участия в торжествах, организованных на воде в честь его «коронования» и отказались уплатить наложенный на них за это штраф.

Некоторые из новоподданных обожаемого монарха, незаплатив штрафа, только выиграли. Зачем им сидеть два часа на одной воде, когда в тюрьме можно посидеть две недели и на воде и на хлебе?

БОГ В КАЧЕСТВЕ ШУЦМАНА

Немецкая буржуазия решила для большей уверенности в исходе президентских выборов блокироваться с богом.

«Рейх-президент издал распоряжение, запрещающее в целях обеспечения пасхального мира созыв политических собраний и шествий на время с 20 марта по 3 апреля».

Единственное шествие, разрешенное на это время, — это похороны немецкой конституции. И пасхе не обидно и фашистам приятно.

РУКИ И ГОЛОВЫ

Не так давно Пилсудский в весьма категорической форме заявил сеймовому большинству:

— Я желаю, чтобы вы мне развязали руки.

А на-днях:

Коммунистический депутат Розенберг, пострадавший во время района демонстрации, выступал с перевязанной головой.

Повидимому, руки маршала Пилсудского опасно оставлять на свободе.

В. Козлинский

— Следующим номером нашей разоружительной программы...

О С Л А В Е

ТОВАРИЩИ, я не Шаляпин, не Собинов.
В Европе имя мое не звенит.

Словом, я значит не особенно,
Точнее — вовсе не значит.
Но разве бесславный артист не вправе

Поговорить хотя бы о славе?
Итак, о славе. Определенно,
Все вы слышали про Наполеона.
И всем вам, наверно, известно, что он,
Вышеупомянутый Наполеон,
Носил треуголку, белые брюки,
За борт сюртучный закладывал руки.
На лоб выпускал напомаженный клок он,
Так называемый «наполеоновский локон».
Жил, восстал, потерпел поражение,
Попал в безвыходное положение.
И умер покинутый всеми и пленный
На острове имени какой-то Елены.
Плохая карьера. Завидного мало в ней.
Неважно кончил вояка бравады.

А вот ведь числится в списке баловней
Этой... как ее... бессмертной славы.
Ну, стоило разве в российских лесах
Под снегом солдат хоронить, чтоб ныне
Фигуркой из бронзы стоять на часах,
Которые сами стоят на камине.
Для такой славы — ищите осла вы,
А я обойдусь и без такой славы.

Но, может быть, вам за бутылкой пивца,
Свою неудачную жизнь ругая,
Случалось завидовать славе певца.
Действительно, гхняя слава — другая:
Фрак надел — выходи и басы.

Ему не нужны ни пехота ни конница:
Взял верхнее «до» или нижнее «си», —
И вся Европа его поклонница.
Зал содрогает лихая октава.
«Бис! Повторите! Замечательно! Bravo!...»
Басом по праву заслужена слава.
Свежевыкрашенная девица
От восторга не может пошевелиться,
И ночью на бледно-зеленой бумаге
Пишет артисту в любовной отваге:
...«Каждую ночь у меня кошмары,
Мне снитсясь вы то в анфас, то в профиль.
Я — Маргарита с душой Тамары,
А вы — мой демон и Мефистофель.
Нет, мне этих мучений не вынести,
Вы меня толкаете в омут.
Вы соблазнитель моей невинности,
Я из-за вас отдалась другому!»
Прочел — и доволен певец величавый.
Меня же тошнит от такой славы.

Но, может быть, слава поэта прелестней?
Он пишет сонеты, поэмы и песни.
Трибуна поэта — журнал и газета.
Ну, что ж, потолкуем о славе поэта:
Сидит мой «Пушкин» болящий, тощий,
Сидит и рифмы в затылке ищет.
Он ищет рифму на слово «роща»,
Он ищет рифму на слово «лица».
Сидит несчастный и тяжело дышет
И ежечасно по строчке пишет:
О нежной страсти и о природе,
Стишки, примерно, вот в этом роде:
«Я шагаю по зеленой роше,
Пой же песни, ласковая птица,

Удаться, что ли, или проще
В озере прозрачном утопиться?
Ты ушла, любимая девица,
Ты во мне не хочешь видеть мужа.
Может, лучше будет застрелиться,
Нет, пожалуй, застрелиться хуже.
Отнес в журнал «Боевая смена».
Редактор буркнул: — Не современно...
Напишите-ка нам, — предложил редактор, —
Что-нибудь свежее про стройку, про трактор...
Всю ночь в каморке поэта не гас
Свет электрической лампы, —
Поэт выполнял социальный заказ,
Нажимая на темпы и штампы.
И утром принес в редакцию стих —
Ничуть не хуже, чем у других:
«Трах-тарых. Трах-тарых.
Эх, бензином брызгни!
Батраки на тракторах
Мчатся к новой жизни».
Поэт от собственной продукции тает,
Поэт себя знаменитостью мнит.
Но, признаться, товарищи, слава такая
Меня почему-то совсем не манит.

Как личные радости, радуют нас,
Что поднял сегодня добычу Донбасс.
Как личное горе, тревожит кривая,
Идущая книзу, программу срывая.
Обычай прошлых веков вспоминая,
Не время веночки из лавров плести.
И люди иные, и слава иная,
И к славе — иные пути.

Мих. Вольпин.

И. А. МАЛЮТИН

(1891—1932)

(Автопортрет)

Умер Иван Андреевич Малютин—старейший крокодилец, один из лучших мастеров советской карикатуры.

«Старейший!» Смерть его застигла в 40 лет, в полном расцвете его творческих сил. И. А. Малютин являлся одним из основателей «Крокодила» и почти бессменным его работником в течение 10 лет. Он — один из основателей, вместе с Маяковским и Черемных, «Окон сатиры» Роста, один из тех художников, которые с Октябрьской революции связали свою жизнь и творчество с пролетариатом.

Для творчества Малютина крайне характерны постоянные поиски новых методов, новых приемов. Он был революционером пера и кисти, жадно ищущим новых путей, никогда не застывавшим на одном месте. Мастер красок, изумительно владевший палитрой, дававший яркую красочную гамму в своих полотнах и в театральных декоративных работах, — Малютин в то же время скуп на краски в карикатуре, он пользуется краской только как фоном, не затемняя социального смысла, который должен быть выражен в рисунке.

Меньше всего можно было бросить Малютину упрек в штампе, — он все время ищет новых образов в своих карикатурах. Не всегда его художественные поиски были понятны широкому читателю. Малютин являлся творцом в карикатуре «детской» манеры, нарочито упрощенного, как бы примитивного детского рисунка. «Что это, дескать, за рисунки?» — спрашивали некоторые читатели «Крокодила». — «Этак и всякий сумеет рисовать». Но далеко не всякий может так рисовать, как Малютин, который всегда оставался высоким мастером карикатуры.

Творческое карикатурное наследство Малютина — несколько сотен рисунков — рассеяны по различным журналам, редакции которых, кстати, крайне небрежно относятся к хранению оригиналов. Много рисунков Малютина — у частных лиц. Наша задача — собрать наследство малютинских подлинников, чтобы на ярких образцах его творчества училась молодая армия пролетарских карикатуристов.

Слабав тара

Рассказ Мих. Зощенко

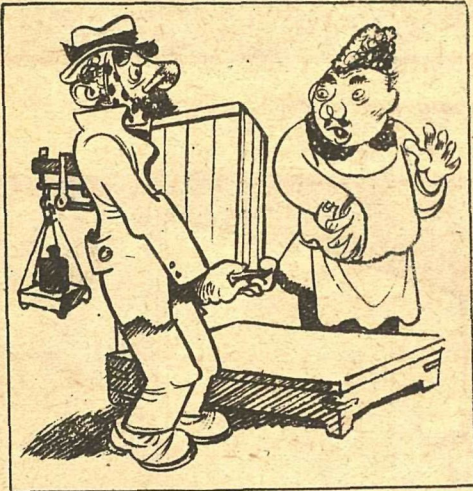
Иллюстрации К. Ротова

НЫНЧЕ взятки не берут. Это бывало раньше. Шагу нельзя шагнуть без того, чтобы не дать или не взять.

А нынче характер у людей сильно изменился к лучшему.

Взятки действительно не берут.

Давеча мы отправляли с товарной станции груз.

... Вместо страданий укрепите вашу тару...

У нас тетка от гриппа померла и в духовном завещании велела отправить ейные там простыни и прочие мешанские вещицы в провинцию, к родственникам со стороны жены.

Вот стоим мы на вокзале и видим такую картину, в духе Рафаэля.

Будка для приема груза. Очередь, конечно. Десятичные метрические весы. Весовщик за ними. Весовщик, такой в вышней степени благородный служащий, быстро говорит цифры, записывает, прикидывает гирьки, клеет ярлыки и дает раз'яснения.

Только и слышен его симпатичный голос:

— Сорок. Сто двадцать. Пятьдесят. Сымайте. Берите. Отойдите... Не станови сюда, балда, станови на эту сторону.

Такая приятная картинка труда и быстрых темпов.

Только вдруг мы замечаем, что при всей красоте работы весовщик очень уж требовательный законник. Очень уж он соблюдает интересы граждан и государства. Ну, не каждому, но через два-три человека он обязательно отказывает груз принимать. Чуть расхлябанная тара, — он ее не берет. Хотя видать, что сочувствует.

Которые с расхлябанной тарой, те, конечно, охают, ахают и страдают.

Весовщик говорит:

— Вместо страданий укрепите вашу тару. Тут где-то шляется человек с гвоздями. Пушай он вам укрепит. Пушай сюда пару гвоздей вобьет и пушай проволокой подтянет. И тогда подходите без очереди, — я приму.

Действительно верно: стоит человек за будкой. В руках у него гвозди и молоток. Он работает в поте лица и укрепляет желаемым слабую тару. И которым отказали, — те смотрят на него с мольбой и предлагают ему свою дружбу и деньги за это самое.

Но вот доходит очередь до одного гражданина. Он такой белокурый, в очках. Он не интеллигент, но близорукий. У него, видать, трахома на глазах. Вот он и одел очки, чтоб его было хуже видать. А может быть, он служит на оптическом заводе, и там даром раздают очки.

Вот он ставит свои 6 ящиков на метрические десятичные весы.

Весовщик осматривает его шесть ящиков и говорит:

— Слабая тара. Не пойдет. Сымай обратно.

Который в очках, услышав эти слова, совершенно упадает духом. А перед тем, как упасть духом, до того набрасывается на весовщика, что дело почти доходит до зубочистки.

Который в очках кричит:

— Да что ты, собака, со мной делаешь! Я, говорит, не свои ящики отправляю. Я, говорит, отправляю государственные ящики с оптического завода. Куда я теперь с ящиками сунусь? Где я найду подводу? Откуда я возьму сто рублей, чтобы везь назад? Отвечай, собака, или я из тебя кокетку сделаю.

Весовщик говорит:

— А я почему знаю. — И при этом делает рукой в сторону.

Тот, по близорукости своего зрения и по причине запотевших стекол, принимает этот жест за что-то такое другое. Он вспыхивает, чего-то вспоминает, давно позабытое, роется в своих карманах и выгребает оттуда рублей 8 денег, все рублями. И хочет их подать весовщику.

Тогда весовщик багровеет от этого зрелища денег.

Он кричит:

— Это как понимать? Не хочешь ли ты мне, очкастая кобыла, взятку дать?!

Который в очках сразу, конечно, понимает весь позор своего положения.

— Нет, говорит, я деньги вынул просто так. Хотел, чтоб вы их подержали, покуда я сыму ящики с весов.

Он совершенно теряется, несет сущий вздор, принимается извиняться и даже, видать, согласен, чтобы его ударили по морде.

Весовщик говорит:

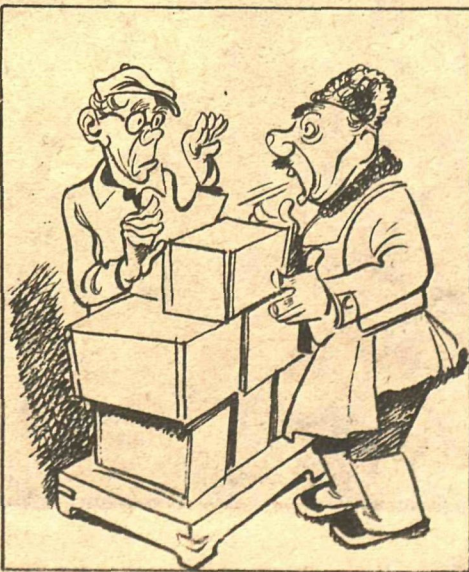
— Стыдно. Здесь взятки не берут. Сымайте свои шесть ящиков с весов, — они мне буквально холодят душу. Но поскольку это государственные ящики, — обратитесь вот до того рабочего, он вам укрепит слабую тару. А что касается денег, то благодарите судьбу, что у меня мало времени возжаться с вами.

Тем не менее он зовет еще одного служащего и говорит ему голосом, только что перенесшим оскорбление:

— Знаете, сейчас мне хотели взятку дать. Понимаете, какой абсурд. Я жалею, что поторопился и для виду не взял деньги, а то теперь трудно доказывать.

Другой служащий отвечает:

— Да, это жалко. Надо было развернуть историю. Пушай не могут думать, что у нас попрежнему рыльце в пуху.

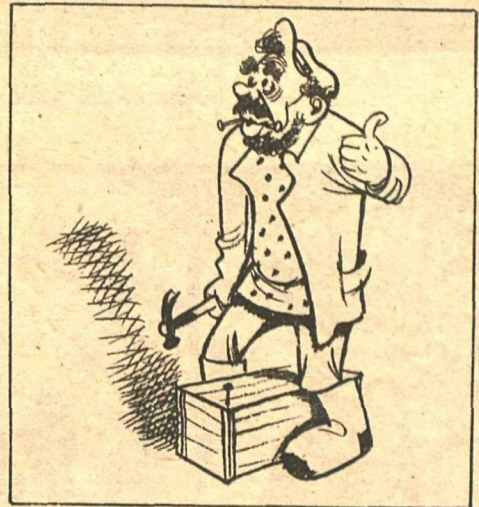

.. Не хочешь ли ты мне взятку дать?..

Который в очках, совершенно созревший, возится со своими ящиками. Их ему укрепляют, приводят в христианский вид и снова волокут на весы.

Тогда мне начинает казаться, что у меня тоже слабая тара.

И покуда до меня не дошла очередь, я подхожу к рабочему и прошу его на всякий случай укрепить мою сомнительную тару.

... Войдите в мое пиковое положение.

Он спрашивает с меня 8 рублей.

Я говорю:

— Что вы, говорю, обалдели, 8 рублей брать за три гвоздя.

Он мне говорит интимным голосом:

— Это верно, я бы вам и за тройку сделал, но, говорит, войдите в мое пиковое положение — мне же надо делиться вот с этим крокодилком.

Тут я начинаю понимать всю механику.

— Стало быть, я говорю, вы делитесь с весовщиком?

Тут он несколько смущается, что проговорился, несет разный вздор и небылицы, бормочет о мелком жалованьишке, о дороговизне, делает мне крупную скидку и приступает к работе.

Вот приходит моя очередь.

Я становлю свой ящик на весы и люблюсь крепкой тарой.

Весовщик говорит:

— Тара слабавата. Не пойдет.

Я говорю:

— Разве? Мне сейчас ее только укрепляли. Вот тот, с клещами, укреплял.

Весовщик отвечает:

— Ах, пардон, пардон. Извиняюсь. Сейчас ваша тара крепкая, но она была слабая. Мне это всегда в глаза бросается. Что пардон, то пардон.

Принимает он мой ящик и пишет накладную. Я читаю накладную, а там сказано: „тара слабавата“.

— Да что ж вы, говорю, делаете, арапы. Мне же, говорю, с такой надписью обязательно весь ящик в пути разворуют. И надпись не позволит требовать убытки. Теперь, говорю, я вижу ваши арапские комбинации.

Весовщик говорит:

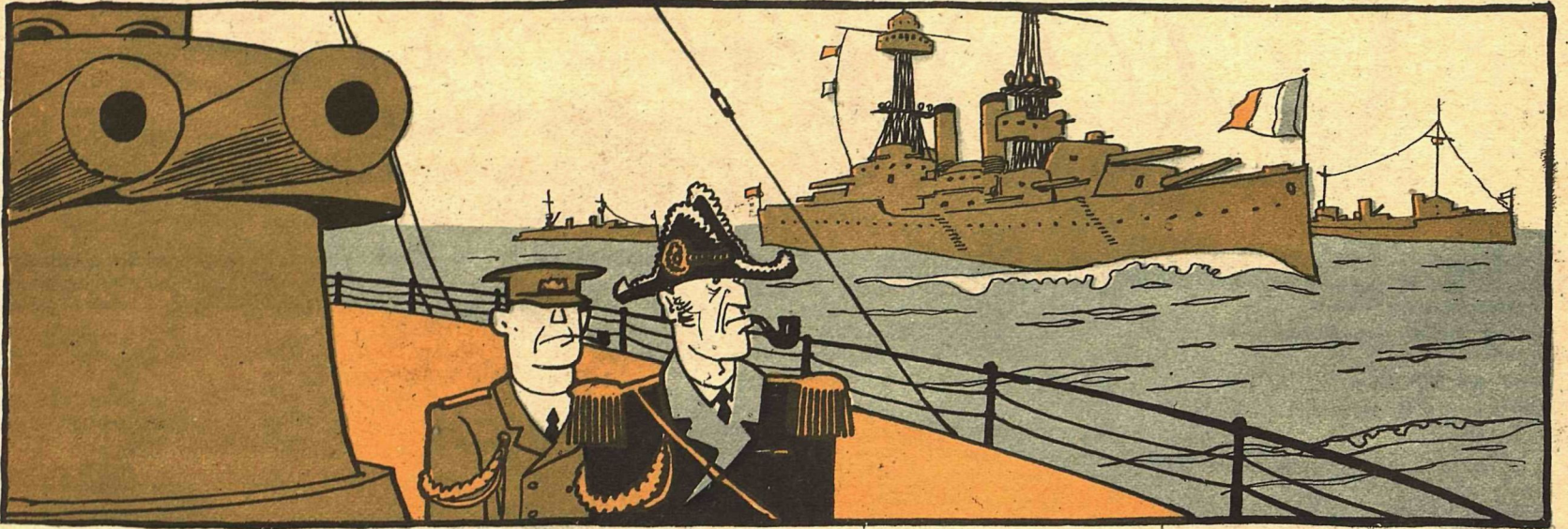
— Что пардон, то пардон, извиняюсь.

Он вычеркивает надпись, и я уйду домой, рассуждая по дороге о сложной душевной организации своих сограждан, о перестройке характеров, о хитрости и о той неохоте, с какой мои уважаемые сограждане сдают свои насильственные позиции.

Что пардон то пардон.

Мих. Зощенко.

К. Елисеев

Китайцы изобрели компас. Империалисты по компасу нашли дорогу в Китай.

Китайцы изобрели порох.
Империалисты испробовали его силу на трудящихся Китая.

Китайцы изобрели бумагу.
Империалисты воспользовались ею для ультиматумов Китаю.

Что касается ядовитых газов и пуль «дум-дум», то китайцы их не изобретали, но империалисты любезно поделились с китайцами своими достижениями.

ТОЛЬКО ПОСЛЕ обеда Аркадий Петрович заметил, что у жены губы набрякли и глаза приготовлены к слезам.

— Кто обидел мою крошку?

Елена Семеновна с наслаждением заплакала.

— Зинаида Сергеевна... Зинаида Сергеевна...

— Да брось ты всхлипывать! Скажи толком!

— Зинаида Сергеевна... Зинаида Сергеевна... Обругала...

— Как же она обругала тебя, моя маленькая?

— Ин... ин... дюшкой.

— Индюшкой? Ах ты, моя прелесть! Что же тут обидного?

Ты у меня и есть индюшечка.

Елена Семеновна вскочила с дивана.

— Не смей так меня называть! Не смей! Не смей!

— Ну не сердись.

— Довольно! Я не хочу больше быть индюшкой. Позор! Жена при муже! Индюшка!

— Да успокойся, Лелечка. Откуда ты этих слов набралась?

— Сама теперь знаю. Жена ответственного! Никаких запросов! Никаких этих, — как их, — идеалов. Купить новый патефон, прибавить кило жирку, гости, карты, стол и постель! Довольно!

— Чего довольно?

— Всего довольно! Все живут, стремятся, растут, а я при тебе — индюшка. Не хочу!

— Это Зинаида Сергеевна тебя накрутила?

— Не важно кто! Важен факт: индюшка!

— А у ней самой-то что?

— Много ты понимаешь! Ее муж, небось, не такой, как ты: уже достал самую новую шляпку мысиком.

— Ну, Лелечка, и я тебе достану.

— Да! Когда еще достанешь, а она будет первая. Ты совсем обо мне не думаешь.

— Ну, успокойся, сядь. Я действительно за работой мало о тебе забочусь, моя индюшечка.

— Не смей меня так называть!

— Ну, прости. Зато я тебе сейчас придумаю что-нибудь особенное.

— Только самое, самое модное.

— Модное! Опять модное? Ты же не хочешь быть индюшечкой?

— Смотря что...

— Я тебе вот что посоветую. Начни перестраиваться.

— А это модное?

— Самое, пожалуй, модное. Сейчас, понимаешь, идет работа по переустройству людей.

— Понимаю.

— По выкорчевыванию из их сознания капиталистических навыков. Понимаешь?

— Понимаю...

— Ты будешь у меня носительницей совершенно нового, социалистического мировоззрения. Понимаешь?

— Новое? Я очень люблю носить все новое.

— Так вот возьми с сегодняшнего дня, а я пока лягу после обеда.

— Ты у меня, Арканчик, умник. Дай, я тебя поцелую. У ты, моя сладенькая! А Зинаида Сергеевна еще не слышала?

— Про что?

— А вот про это самое... новое миро... миро... сознание.

— Не знаю.

— Мне бы только, Арканчик, быть самой первой. Ты уж не говори никому. Я первая перестроюсь, а потом пускай и другие. А с чего начать?

— Да отстань, Лелька. Не сейчас же. Дай отдохнуть. Возьми политграмоту и читай.

— Ну, ладно!

Елена Семеновна взяла с полки политграмоту, посмотрела в скучное оглавление, перелистала страницы и, не найдя разговоров, положила книгу обратно. «Это он, наверное, спросонья посоветывал. Но как же начинать перестраиваться, чтобы все было новое?»

Она завернулась в пуховый оренбургский платок и легла на диван. «Во-первых, надо сменить обои, во-вторых, не поеду больше в Сочи. Поеду в Боржом. В-третьих, в-третьих...»

В-третьих, так и не придумалось.

Леля задремала. Во сне ей сразу приснилась Зинаида Сергеевна.

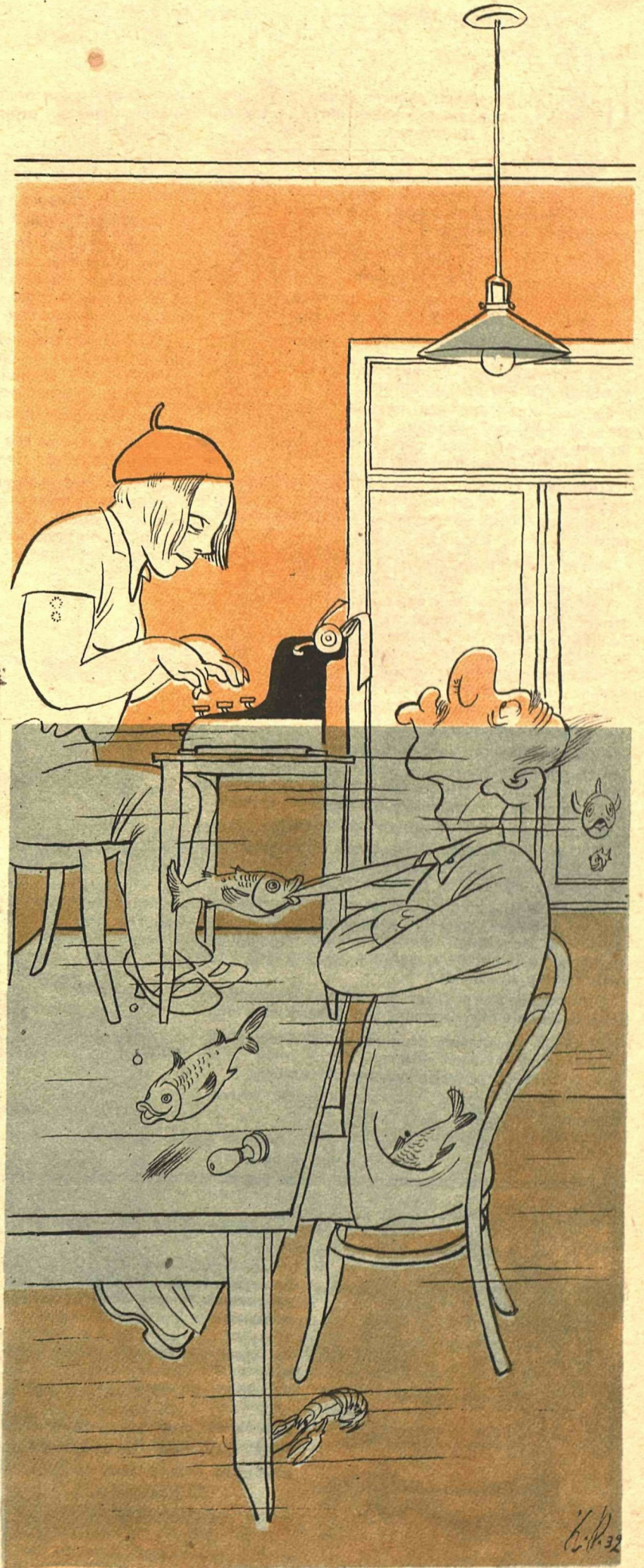
Леля усмехнулась: «Кто из нас теперь индюшка?» Но потом пожалела обидчицу.

«Бедняжка! Она даже не подозревает, что сейчас носят самое модное!.. Новое, как его, миро... миро...»

Во сне думать такими словами было трудно, и Леля машинально перешла на шляпку мысиком и засопела.

Б. Самсонов.

К. Ротов

— Продолжайте: „Все мероприятия по борьбе с наводнением... приняты своевременно“... Буль-буль-буль...

История

Памфлет Абрамо

Рисунки Ю. Ганфа

ШВЕДСКАЯ спичка зажгла дымящийся грабежом и кровью факел капиталистической славы Крейгера.

Чада и дым, он запылал над Швецией. Свет его был так ослепителен, дивиденды так убедительны, что для близоруких, тупорылых обывателей берегов Скандинавии он затмил собою даже северное сияние.

Факел Крейгера пылал над Европой.

Железные рудники Швейцарии, польский калий, чилийская селитра, шведские леса — на все это падала кипящая смола факела Крейгера.

Ивар Крейгер стал спичечным королем.

Он субсидировал правительства, государства становились его должниками.

Спичка Крейгера вспыхивала в зеркальных стеклах банков Голландии, Германии, Польши, Франции, в кабинетах правлений железных дорог. Все это принадлежало ему.

Шведская спичка запахла англо-голландской нефтью, витамином мирового империализма, черным золотом интервенции и колониальных войн.

Ивар Крейгер протянул руку Генри Детердингу.

Паутина связей Крейгера опутывала капиталистический мир. Эти нити протянулись за океан. Телефоны компании Эриксона (читай Крейгер) подслушивали для него секреты мировых бирж, телеграфные аппараты его производства выступили лихорадочный пульс биржевых котировок, — итоги шантажа и спекуляций.

Он был инженером.

Свои леса, своя целлюлоза, своя бумага, своя печать, свои социал-демократы, как шарикоподшипники „SKF“, уничтожая трение, помогли ему завоевателем скользить из страны в страну.

Владельцем „SKF“ был тот же Крейгер.

80% всего мирового спичечного производства сосредоточил в своих руках этот фабрикант из скромного шведского городка Иенчелинга.

Шведскими спичками разжигали глиняные трубки рабочие железных рудников Швейцарии, польских калийных копей, шахт чилийской селитры, целлюлозных фабрик, клерки фабричных контор Крейгера.

Они разжигали в себе, вместе со вспыхивавшим огнем трубок, ненависть к своему хозяину.

Жадные щупальцы Крейгера протягивались к банкам, железным дорогам, фабричным трубам, лесным массивам, пароходам, акциям.

— Моел! — говорил он при каждой новой победе.

— Моел! — эхом откликнулись костяшки бухгалтерских счетов, отбивавших дробь военных прибылей.

— Моел! — вторили шуршащие груды покоренных акций и оплаченных чеков.

Порывом кризиса, как ветром, была притушена крейгеровская спичка.

Ветер переходил в шторм. По взбаламученному морю кризиса, наступавшему на континенты, заливавшему заводы, тушившему домны, метался из страны в страну Крейгер — за кредитами, банкнотами, золотом.

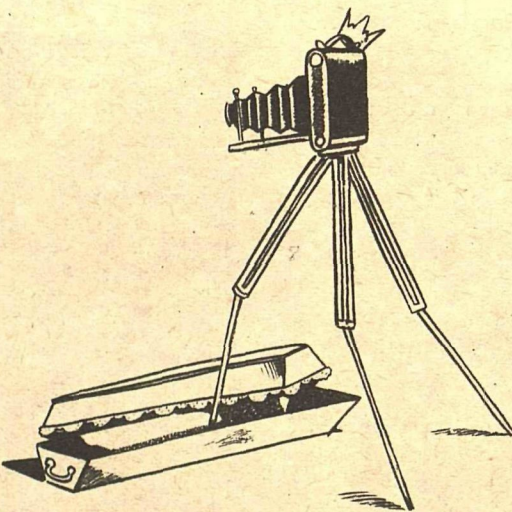
Тухли яркие огни электрических ламп, вместо них возникало из средневековья, в Баварии, тусклое пламя свечей, заживавшихся лучшими в мире спичками Крейгера.

Засыпали станки, заводы, города.

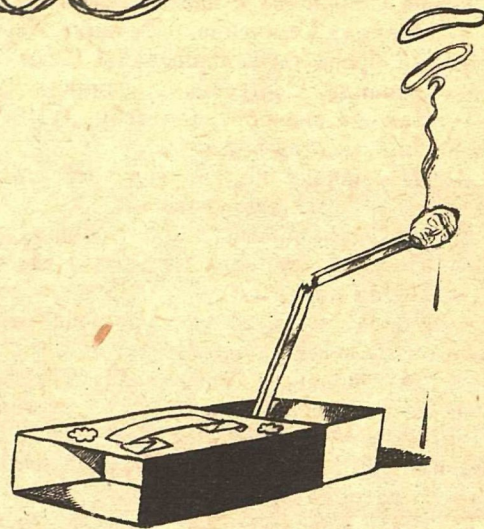
Трезвые мысли все чаще приходили в голову пролетариев.

И тогда они явственно видели: десятки миллионов безработных во всем мире, отброшенную на уровень 1900 г. промышленность Германии, откинутую назад к XIX веку индустрию Англии, обнищание сотен миллионов трудящихся.

Вслед за Крейгером покончил самоубийством „фотокороль“ Истмен.

— Кто последний, я за вами?!

Потухающая кривая капитализма.

Шторм переходил в бурю. Крейгер пытался держать курс на возникший из волн кризиса маяк войны.

Но его углое судно, точно захлебнувшись в луже спичечная коробка, пошло ко дну.

Это произошло 12 марта 1932 года в фешенебельном отеле на парижских бульварах.

Первый весенний день пролетал над городом.

Ивар Крейгер в предутреннем рассвете явственно почувствовал, как уходит почва из-под ног, увидел, что швейцарские рудники, польские калийные копи, чилийские шахты селитры, нити телефонных проводов — вышли из повиновения.

Он потерял власть над вещами.

Все, что Крейгер считал своим, все, к чему жадно тянулись его цепкие руки, оказалось спичечным домиком.

Это и был баланс, который выстрелом в висок подвел Крейгер первым весенним утром 1932 года.

И хотя было утро, в окно отеля глядел „Закат Европы“.

12 марта 1917 года рабочий класс России сверг последнего царя. Ровно через 15 лет, 12 марта 1932 года, под ударами экономического кризиса пал один из первых королей капитализма.

Потухла универсальная шведская спичка Ивара Крейгера. В капиталистическом мире стало еще темнее.

Это было за два месяца до пуска Днепростроя.

КРОКОДИЛИЙ РЕСКРИПТ

Ответ. работнику
дирекции Сев.-кавк.
ж. д. Чернышову

МЫ, КРОКОДИЛ Первый и Единственный, гроза оппортунистов, бич вредителей, гонитель совчиновников, зажимающих энтузиазм тисками отношений и клетками высосанных из пальца смет, враг головоотяпов и прочая и прочая

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ ПОВЕЛЕ-

БАЕМ:
наградить орденом нашим **ВТО-**
РОЙ СТЕПЕНИ ответработника
дирекции Северо-кавказских ж. д.
ЧЕРНЫШОВА.

ОСНОВАНИЕ:

В то время, как рабочие массы, строя социализм, выполняют и перевыполняют планы, когда энтузиазм строителей разрывая

сметные предположения и превышает их, чиновник Чернышов ставит палки в колеса рабочей инициативы и загоняет трудовой под'ем в паратрафы смет, доказательством чего служит посланная им бумажка Вагонно-ремонтному заводу:

ДИРЕКЦИЯ
Сев.-кавк. жел. дор.

Вагонное отд.

8/II-1932 г.

№ ЧТВ-2

сверх плана вносит путаницу дело, вынуждая дорогу давать вагоны сверх нормы по частым телеграммам завода, якобы систематическому неподоходу их.

ПРОШУ ПРЕКРАТИТЬ ВЫПУСК ВАГОНОВ СВЕРХ НОРМ,
устанавливаемых планом.

ЧТ. ЧЕРНЫШОВ.

Исключительные заслуги совчиновника Чернышова в области оканцеляривания трудового под'ема масс и подмены его бездушной бумажкой не должны остаться неотмеченными и поэтому, радуясь высокому награждению, читатели и почитатели наши должны поздравить награжденного в самых ударных выражениях, адресуя оные:

Ростов-на-Дону, Дирекция Сев.-кавк. жел. дор., вагонный отдел,
ЧЕРНЫШОВУ.

На подлинном вилали нацарапано:

КРОКОДИЛ.

ПРАКТИКА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ завод «Электросила» не органичивается выпуском моторов, — он активно помогает будущим командирам техники укреплять свои теоретические знания.

В турбокорпусе завода одиннадцать студентов Харьковского электротехнического института проходят практику турбогидростроения.

На первых порах учеба не ладилась. Цеховая администрация не могла сразу приспособиться к возложенной на нее задаче. Происходил длительный и тяжелый процесс исканий.

— Какую ж бы это вам дать практику?

Нето в голове, нето на потолке искал мастер цеха Васильев.

— Может, сборку статора?

— Отлично! Нам все на пользу!

И студенты уже готовились кннуться все, как один, к статору.

— Сто-ой!! — испуганно вопил мастер. — Отставить! Не могу доверить вам такую сборку. Работа ответственная. Чего-нибудь там скворчнете...

Пауза. Раздумье.

— Вот что, ребята... Не поручить ли вам обмотку статора?.. Нет! Нельзя обмотку... Обмотка — тоже ответственная работа. Разве катушки носить? Но, ежели разобраться по существу, то и катушки носить — это гово...: ответственно...

Долго искал мастер что-нибудь неответственное и, не найдя, пришел к грустному выводу:

— Дрянн дело... Все работы у нас ответственные. Так что, извинюсь, товарищи, остается вам одно: встаньте в сторонке и оттуда приглядывайтесь.

Но вскоре и эта практика показала администрации недостаточной..

Перед начальством, понимаете, недовко. Вдруг придет директор. Вдруг поинтересуется:

— Это что за народ собрался? Почему не работает? Подать сюда мастера!

Чистое горе с этими практикантами...

К чести мастера должны сказать, что он не любит останавливаться на полдороге, и если что задумает, обязательно доведет до конца. Он искал и, наконец, нашел.

И теперь все хорошо.

Теперь программа студенческой практики в турбокорпусе приняла определенную законченную форму:

а) Практиканты стоят, ничего не трогая руками (так называемая «глазная работа»).

б) При появлении у входа в цех начальства подается команда:

— Директор идет! Прячься, кто куда!

в) Студенты ныряют, — кто в ящик, кто в котел («ножная работа»).

г) По уходе начальства подается команда: — Вылазь!

Просто и хорошо.

И рисуется перед нашим изумленным взором картинка недалекого будущего. День пуска Харьковского турбогенераторного завода. Речи. Музыка.

Одиннадцать студентов — тут же. Но они уже не студенты, а инженеры. Гордые этим новым положением, важно пощипывают будущие усы. И вдруг... может быть, только краем глаза они вдруг видят:

— Директор идет...

Насторожились, дрогнули. Хотят устоять на ногах — и не могут. Навыки не позволяют: директор идет!

— Прячься, кто куда!..

И уже нет ни одного инженера на посту. Уже похвались все, как один (по пункту «в»), — кто в ящик, кто в котел.

Грустная картинка. До чего допрактиковались!

И подает ли им кто-нибудь команду (пункт «г»):

— Вылазь!

Или они так и просидят до конца второй пятилетки?

Ив. Прутков.

НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ФАБРИКЕ

Б. Шемиот

„КРОКОДИЛ“:—Сейчас, товарищи... Выну вилы и принимать буду.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

В Ленинграде (проспект 25 октября, д. 3) открыто отделение «Крокодила». Материал на ленинградские темы направляйте по этому адресу.

ЧТО НАША ЖИЗНЬ? ИГРА...

(Пиковое положение)

Концертное бюро при театрах посылает артистов на коммерческие концерты нередко в дни, когда их участие объявлено на афишах оперы. Такие «случайности» фатально бывают с Печковским, Славинским, Касторским и др.

Б. Антоновский

— В виду внезапной болезни артиста Печковского партию Германа исполнит артист NN. В актрактах мы все же постараемся дать Печковскому по радио из Филармонии.

РАЗНОЗИДНОСТЬ ТРЕПАЧЕЙ

В столовую № 24 Василеостровского района пришел фотограф Музея революции, чтобы заснять ударников. В столовой был выходной день, и никого не было. Фотограф, не желая терять времени, наставил объектив на случайно зашедшего агента по закупкам и дежурного повара и щелкнул. — Вот и готово: ударники столовой засняты, — весело сообщил он, переворачивая кепку задом наперед.

Оказывается, и трепать можно не только языком, но и фотопленкой.

ХОЗЯЙСТВЕННИК И ЭСТРАДА

(Это вам не басня)

О ДНАЖДЫ в виском культотделе, Где на дискуссии работники потели, Эстрадные вскрывая номера, Свой ярый гнев сдержавши

сле-сле, Вскричал хозяйственник: — Пора! Пора, товарищи, сказать открыто: Эстрада старая да будет бита! Не надо нам дешевых номеров, Дашь разумную, советскую эстраду — И поученье и усладу.

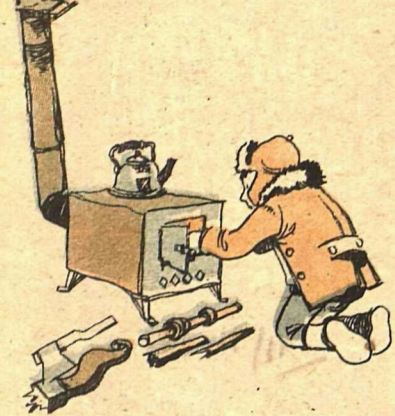
Цыганщину, кабацкий смех — к чертям! К чертям пошлятину, — и дело наше в шляпе. Ребята, клубники, на нынешнем этапе — Побольше чуткости к товарищам гостям!.. Сказавши, вытер пот и мирно слез с трибуны, — На стенограмме — 20 крепких строк. А культотдельщик пыль с портфеля сдунул И в клуб пошел к себе, на вечерок. — Кто здесь конференсье? Послушай, ты — полегче...

Идеологии не нужно нам ни-ни. К чертям — героюку, возвышенные веги, Ты дай часок веселой трепотни! Маленько потрепался и — дело будет в шляпе... Эстраде — друг, ее я — во! — лелею, Но... зритель не дорос на нынешнем этапе, — А против публики итти не смею...

Когда таких «друзей» погоним дружно в шею?

Александр Флит.

Горю и не сгораю

С ПОКОЙНО и величаво жила в своей квартире стандартная дореволюционная бабушка. Дверь квартиры была обита войлоком и блестящей зеленой клеенкой. Была на двери еще большая гербская бляха с надписью: «Горю — и не сгораю. Застраховано от огня в Об-ве «Саламандра». Больше всего в жизни бабушка боялась, что ее мебель сгорит. Бабушка уважала свою мебель.

Здесь царил буфет, огромный дубовый буфет с зеркальными иллюминаторами, с остроконечными шпильками, башенками, нишами, с барельефными изображениями битой дичи, виноградных гроздьев и лилий. Цоколь буфета был рассчитан на такую невероятную тяжесть, что на нем без опасения можно было бы установить конный памятник какому-нибудь скобелеву. Буфет походил на военный собор, какие обычно строили при кадетских корпусах и юнкерских училищах, и был разукрашен цветными пупырчатыми стеклами. Грандиозен был буфет, и, тем не менее, его полки и ящики были так малы, что вмещали только чайный сервиз. Остальная посуда стояла на буфетной крыше, за шпильками и башенками, и покрывалась пылью.

На большом столе лежала парадная бархатная скатерть с бомбошками по углам. Вообще у бабушки все было с бомбошками. Драпри с бомбошками, гардины — с бомбошками, пуфы — с бомбошками. Эти разноцветные плюшевые шарики приводили котов в ярость. Они постоянно их подстерегали, хватали когтями и раскачивали. Стол был также величествен и бесполезен, как буфет. За него никак нельзя было сесть. Коленки постоянно сталкивались с какими-то острыми дубовыми украшениями, и смельчак, пытавшийся было использовать стол по его прямому назначению, тотчас же отскакивал от него, яростно растирая ладонью ушибленное место.

Был еще стол — малый, бамбуковый — зыбкое сооружение, предназначенное для семейного альбома с толстой плюшевой крышкой и медными застежками, величиной в складские засовы. Но достаточно было сдвинуть альбом хотя бы на миллиметр вправо или влево от геометрического центра, как равновесие нарушалось, и столик валился на атласную козетку.

Бабушке очень нравилась козетка, нравилась главным образом красотой форм, так сказать, гармоничностью линий. Странная это была штука! Для лежания она не годилась — была слишком коротка. Не годилась она и для сидения. Сидеть мешали главным образом гармоничность линий и красота форм. Мастер предназначал ее для полулежания, совершенно не учтя, что такое небрежно-аристократическое положение тела допустимо только в великосветских романах и в жизни не встречается. Так что на козетке обычно лежала кошка, да и то только в те редкие минуты, когда бомбошки не раскачивались.

Повсюду стояли длинные, вытянутые в высоту и очень узкие вазочки для цветов с толстой стеклянной пяткой. Они походили на берцовую кость человека и вмещали только по одному цветку. Цветы были бумажные. Висели картинки неизвестных старателей-акварелистов в рамках в виде спасательных кругов, в рамках из ракушек, бамбуковых палочек или из багета с золотыми листочками. На шатких этажерках могли помещаться только фарфоровые слоны, мал-мала меньше.

Удивительная это была мебель! Она не только не приносила пользы человеку, но даже ставила его в подчиненное, униженное положение. В своих резных выступах, углах, барельефах и загогулинах она собирала чортову уйму пыли и паутины. Постоянно надо было за мебелью ухаживать, просить гостей на нее не садиться. Кроме того, ее надо было страховать от огня. Неровет час — сгорит!

— Никогда я не буду жить, как моя бабушка! — восклицал иной внук, больно ударяясь о стол большой или опрокидывая стол малый. — Вырасту — заведу совсем другую мебель, удобную, простую, а эта дрянь — хорошо, если бы сгорела.

И она действительно сгорела. Случилось то, чего бабушка боялась больше всего на свете.

В восемнадцатом и девятнадцатом и даже в двадцатом году внук обгоревался бабушкиной мебелью. С наслаждением отрубал он от стола его львиные лапы и беспечно кидал в «буржуйку». Он особенно хвалил соборный буфет, которого хватало на целую зиму. Все пригодилось: и башенки, и шпильки, и разные бекасы, а в особенности многопудовый цоколь. Горели в печке бамбуковые столики, этажерки для семи слонов, кои, якобы, приносят счастье, дурацкие лажовые полочки, украшенные металлопластикой, и прочая дребедень, которую внук для краткости называл «гаргара» или «бандура».

С тех пор ушли годы, внук вырос, сделался сперва молодым, а потом уж и не очень молодым человеком, обзавелся комнатой в новом доме и, наконец, решил приобрести мебель, о которой мечтал в детстве, — удобную и простую.

Он стоял перед огромной мебельной витриной универмага Мосторга, по замыслу заведующего изображавшей, как видно, идеальную домашнюю обстановку благонамеренного советского гражданина.

Если бы внук не сжег в свое время бабушкину мебель собственными руками, то подумал бы, что это именно она и стоит за зеркальной стеной магазина.

Здесь царил буфет, коренастый буфет, с вырезанными на филонках декадентскими дамскими ликами, с дрянными замочками и жидкими латунными украшениями. Были на нем, конечно, и иллюминаторы, и ниши, и колонки. А на самом верху, куда человек не смог бы дотянуться, даже став на стул, неизвестно для чего помещалось сухаревское волнистое зеркало. Перпендикулярно буфету стояла кровать, сложное сооружение из толстых металлических труб, весьма затейливо изогнутых, выкрашенных под карельскую березу и увенчанных никелированными бомбошками (бабушка была бы очень довольна, — она так любила всякие бомбошки!).

Кровать была застлана стеганым одеялом. Одеяло было атласное, розовое, цвета бедра испуганной нимфы. Оно сразу превращало кровать, эту суровую постройку из дефицитного металла, в какое-то ложе наслаждений.

Был здесь и диванчик для аристократического полулежания, в чем несомненно можно было бы усмотреть особенную заботу о потребителе. Был и адвокатский диван «радость клопа» со множеством удобных щелей и складок, с трясушей полочкой, на которой лежал томик Карла Маркса (дань времени!), и этажерка на курьих ножках, и стол, под который никак нельзя подсунуть ноги.

Была бы жива бабушка, — она сейчас же с радостным визгом поселилась бы в этой витрине. Так здесь было хорошо и старорежимно. Все, как прежде. Вот только Маркс! Впрочем, Маркса можно заковать в плюшевый переплет с медными засовами и показывать гостям вместо семейного альбома.

— А это вот Маркс! Видите? Тут он еще молодой, даже без усов. А вот тут — уже в более зрелых годах.

— Смотрите: довольно прилично одевался. А это что за старичок?

— Это один его знакомый. Энгельс по фамилии.

— Ничего, тоже приличный господин.

И текла бы за мосторговской витриной тихая, величавая бабушкина жизнь.

С поразительным упорством работает наша мебельная промышленность на ветхозаветную дуру-бабушку! На рынок с непостижимой методичностью выбрасывается мебель того нудного, неопределенного крохоборческого стиля, который можно назвать банковским ампиром, — вещи громоздкие, неудобные и чрезвычайно дорогие.

Из существующих в мире тысяч моделей шкафов древтресты облюбовали самую тоскливую — так называемый «славянский шкаф». Заходящие в магазины «советские славяне», а именно древляне, поляне, кривичи и дреговичи, а также представители нацменьшинств, советские половцы, печенег, хазары и чудь благоглазая первым делом тревожно спрашивают:

— Скажите, а других шкафов у вас нету?

— Других не работаем, — равнодушно отвечает древтрестовский витязь. — А что, разве плох? Типа «Гей, — славяне!» Все равно возьмете. Ведь выбора нету.

Выбора, действительно, нет. Потребитель вынужден уродовать новое жилье безобразной мебелью. Он покупает низкорослые ширмы, которые ничего не заслоняют, но зато ежеминутно падают. Он везет на извозчике гадкий, рассыхающийся уже по дороге комодик с жестяными ручками. Письменные столы изготавливаются или только канцелярские, сверхестественно скучные или крохотные, дамские, больше всего пригодные для маникюрши. Обыкновенных полок для книг достать нельзя. Их не делают. Но зато есть полочки, предназначенные для предметов, которые должны украшать жилье.

Вот, кстати, эти предметы искусства:

1. Гипсовая статуэтка «Купающаяся трактористка» (при бабушке эта штука называлась «Утренняя нега»).

2. Толстолицый немецкий пастушок, вымыванный линючими красками. Гипс.

3. Кудреватый молодой человек с хулиганской физиономией играет на гармонике. Гипс.

4. Пепельница с фигурками:

а) охотник, стреляющий уток;

б) бегущая собака;

лошадиная морда.

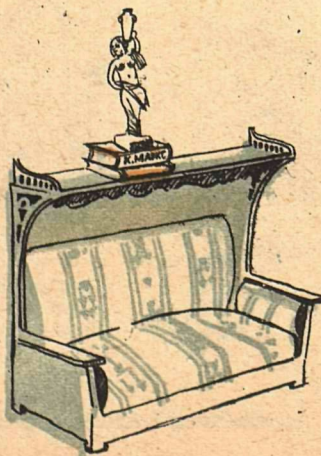
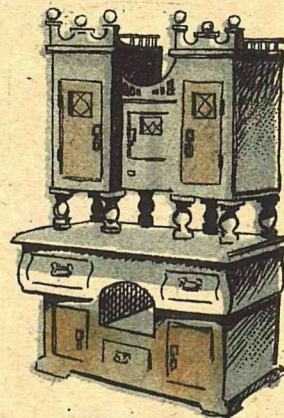
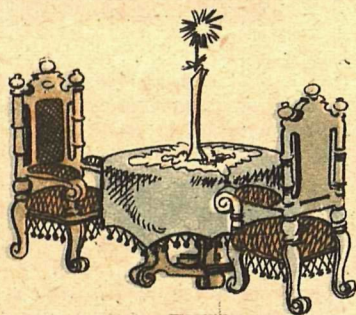
5. Чернильный прибор, могучий агрегат, сооруженный из уральского камня, гранитов, хрустала, меди, никеля и высококачественных сталей. Имеет название: «Мы кузнецы, и дух наш молод». Лучший подарок уезжающему начальнику. Цена — 625 руб. 75 коп.

И когда слышатся робкие протестующие голоса, начальники древтрестов и командующие статуэтками и чернильными приборами отчаянно вопят:

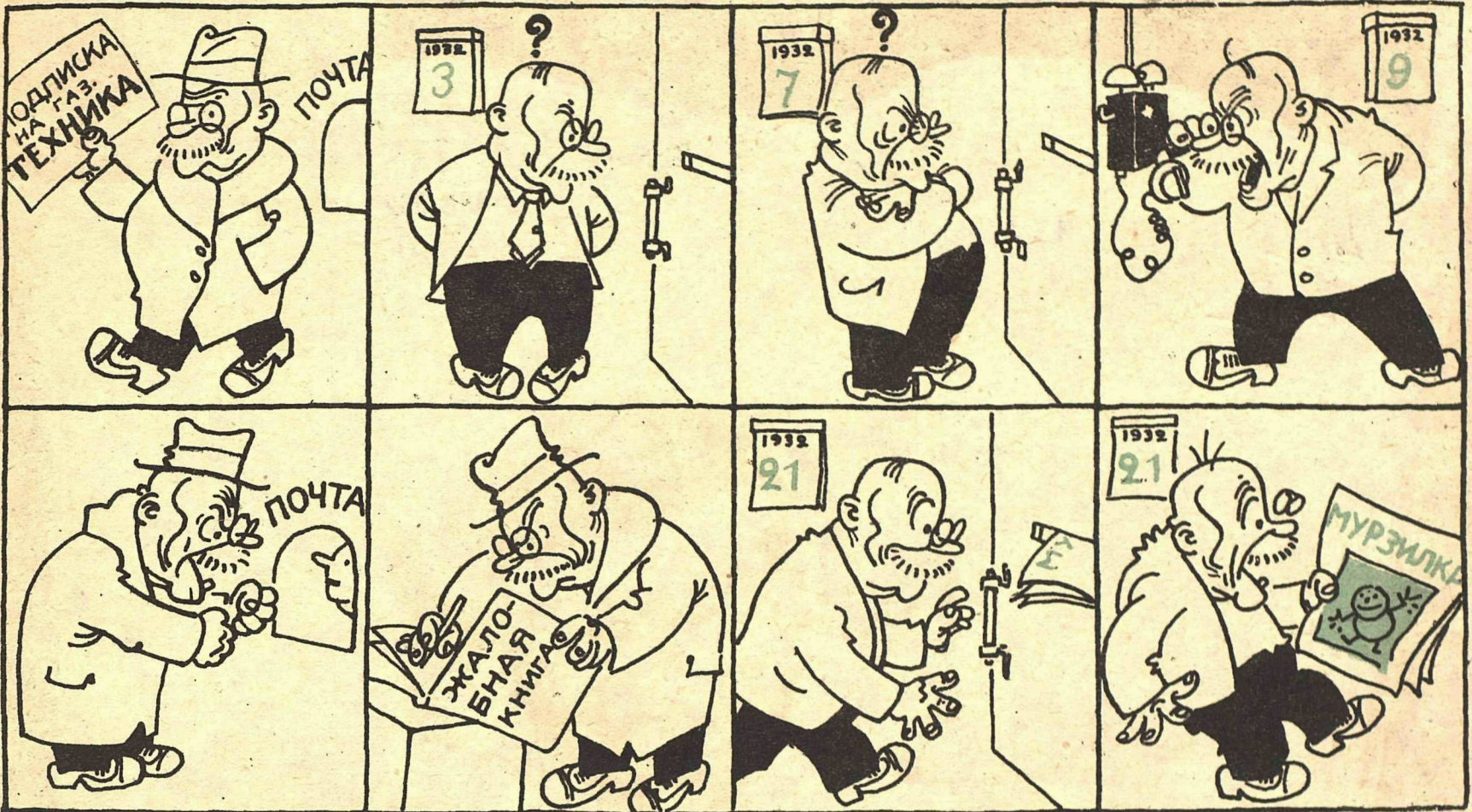
— Вы не знаете потребителя! Вы не знаете условий рынка! Рынок этого требует!

А кричат они потому, что привыкли работать на стандартную дореволюционную старуху, законодательницу сухаревских вкусов и мод.

И в силу этой пошлейшей инерции новому человеку приходится жить среди свежестроенных бабушкиных мебельей и украшений.

А. Баженов

ПО ГАЗЕТНЫМ УХАБАМ

Виль в бок

ЛЮДИ И ЛОШАДИ

Лабинская газета (Сев. Кавказ) «Социалистическая стройка» в № 22 дает следующий заголовок во всю полосу:

«Лошади решат исход предстоящей весны».

Нам кажется, что и люди должны оказывать немаловажное влияние на предстоящую, и не на весну, а на весеннюю посевную кампанию.

Что вы, товарищи, все на безответственную сивку валите!

В. Буриков.

БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЕЕ!

Газета горняков «Черемховский рабочий» (Вост. Сибирь) сообщает своим читателям о выступлении тов. Литвинова на конференции по разоружению.

Крупный заголовок об этом выступлении гласит:

«Только полное вооружение даст действительно гарантию безопасности».

Кто вас обезоружил, товарищ редактор?

КТО — КОГО!

Лежневская (Иван. обл.) районная газета «Лежневский бригадир» в № 11 авторитетно разъясняет:

«Завершение построения фундамента социализма в СССР означает, что ленинский вопрос «кто — кого» разрешен в пользу капитализма полностью и бесповоротно».

У нас имеется противоположное мнение по этому поводу. Надеемся, что редакция «Бригадира» на нас за это не обидится.

КОММЕНТАТОР КОЛЕСОВ

Кружку дорожных мастеров и велосипедистов при районном Автодоре в Буинске (Татреспублика) для практических занятий потребовался велосипед.

Татдортранс предписал начальнику 4-го дорожного участка Колесову выдать кружку велосипед.

Колесов ответил:

«Велосипед в эпоху диктатуры пролетариата безусловно является роскошью, а потому я противник такой роскоши. Велосипед вы не получите».

В эпоху культурной революции и второй пятилетки подобные «комментаторы» безусловно — излишняя роскошь.

ВЫСОКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

В свердловский магазин Уралторга № 4 поступили в продажу консервы, по уверениям продавцов — мясные.

Один из любознательных покупателей дум же на месте вскрыл банку, в которой оказалась капуста в подозрительном соусе.

Этот упрямый факт, однако, не сломил упорства продавцов, которые заявили:

— Это ничего не говорит. Нам сказано — мясные, мы и будем продавать за мясные.

В другом магазине того же Уралторга на вопрос покупателей, какие консервы, продавцы отвечали:

— Купите, — узнаете!..

Высокой квалификации купцы в Уралторге: эти продадут kota в мешке!

РАЗМАХ, ТАК РАЗМАХ

Мы не в курсе дел, каким способом закупают порох государства, готовящиеся к войне. Во всяком случае это происходит, наверное, с меньшим шумом и торжественностью, чем в городе Красноуфимске, где председатель местного Райпотребсоюза, для того чтобы купить полкило пороха, ценой в 1 р. 90 к., в Красноуфимском же союзе охотников, находящемся на другой улице, посылает телеграмму, стоимостью в 1 р. 19 к.

Если такому администратору нужно будет позвать извозчика, он потребует, чтобы ему дали прямой провод: у одного конца встанет сам, у другого поставит извозчика и срочно выступает:

— Извозчик! Подавай!

ОБЩЕСТВО ШОВИНИСТОВ

В Крымпотребсоюзе не укомплектованы штаты. На вопрос инспектора Центросоюза о причинах, заправили Крымпотребсоюза деликатно ответили:

«Не можем достать людей, а если и можно, так только татар, которых нужно долго учить, и от них мало толку».

Этого не скажешь про крымсоюзозских заправила: они истинные джентльмены — изящны, тонки в обращении, остроумны.

Такие толковые ребята, конечно, не могут обращаться в обществе... потребителей!

„МАМЕНЬКА, ПРОПЕЧАТАЛИ!“

Чеховский герой Митя Кулдаров, попав под извозчика, был, как известно, вне себя от радости и бегал по родным и знакомым, потрясая газетной заметкой:

«Маменька, пропечатали!»

Примерно так же «повезло» и Е. Бермонту из «Вечерней Москвы». Некий малоразборчивый субъект списал у Бермонта фельетон.

И вот уже два месяца, как редакции газет и журналов Москвы в панике отбиваются от водопада «писем в редакцию», заявлений и соображений по этому поводу Е. Бермонта.

«Крокодил», ударив по налетчику Ллоду (две трети заметки), в то же время резонно заметил, что похищение фельетончика Бермонта не столь уж сенсационное событие, чтобы уделять ему 150 газетных строк.

Но Бермонт не дремлет.

Почему не напомнить еще один лишний раз, что это с.о. Митю, переехал извозчик?

Письмом в редакцию «Вечерней Москвы» Бермонт снова сообщает потомству о сенсационном событии и обвиняет «Крокодила» чуть ли не в солидарности с плагиатчиком.

Надо полагать, что в ответ на эту нашу заметку Бермонт будет опять отмежевываться...

На этот раз уже от Мити Кулдарова...

Бермонт не одинок... И только поэтому мы решили откликнуться на этот яркий образчик самовлюбленности и нетерпимого отношения к самокритике.

Чтобы другим не повадно было... Советским журналистам это не к лицу.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“. АДР. РЕД.: Москва, Тверская, 3. Прием смедя с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24 и 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДИЛ“ — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до сроков, установленных местными почтовыми отделениями.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, А. Митницкий.

Зав. редакцией: И. Абрамский.

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва. Изд. № 295

Сдача текста и рисунков — 19/III

Подпись и печать — 29/III.

Статформат АА-210×297 Печатных листов 2. Колич. знаков 65.000

Уполномоч. Главлита № В-19177.

2-я тип. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“. Москва, Суцеск. вал, 49.

Зак. № 797

Тираж 50.000 экз

ЗНАМЯ „НЕЗАВИСИМОСТИ“
РЕЕТ НАД МАНЧЖУРИЕЙ